

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Николая Аркадьевича ГОЛУБЕВА
«Формирование локального текста: Ивановский опыт»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература)**

Основная проблема диссертационного исследования Н.А. Голубева – доказательство того, что литературное краеведение в современных условиях может успешно решать актуальные проблемы не только литературоведения, но и иных гуманитарных дисциплин. Рассматривая художественную литературу как основной «нематериальный фиксатор» того или другого локуса, он представляет ее своеобразным репрезентантом уникальности и самодостаточности конкретной территории, явленной в парадигме культуры. Литературное краеведение в этом отношении оказывается необходимо прежде всего для выявления идентифицирующих особенностей локального текста.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В первой главе рассматривается природа и опыт регионализма (на примере «сибирского областничества» и «областнической» литературы). Здесь же описано становление литературного краеведения как научной дисциплины и общественного движения, представлена эволюция научных взглядов первых теоретиков литературного краеведения (Н.К. Пиксанов, М.К. Азадовский, Н.П. Анциферов).

Во второй главе исследуется (на примере ивановского гео-культурного пространства) семиотическая типология города (в данном случае – тип «русского Манчестера»). Представлена подобная возможность «прочтения» «ивановского текста» (например, в творчестве В.В. Маяковского).

В третьей главе рассмотрены примеры «семиотической игры» между культурным и природным ландшафтами внутри названного «ивановского текста», проанализирован процесс «сакрализации» отдельных элементов ландшафта, интерпретация общелитературных архетипов, полифония индустриальной и крестьянской картины мира в сознании жителей города.

В четвертой главе исследуется феномен появления в литературе культурно-ментальной характеристики «ивановец», дается ее описание. Указаны стадии формирования ивановского локального текста в XX веке, проанализированы отдельные художественные произведения «ивановского текста», уточнены некоторые факты литературной жизни региона.

Так, в диссертации привлечен архив ивановского молодежного театра и его режиссера Р.М. Гринберг, хранящийся в Ивановском государственном университете, – проанализирован ряд документов, приведены неизвестные стихи Николая Майорова, обнаруженные в РГАЛИ и т.д.

Актуальность работы определяется тезисом о невозможности полноценного культурного развития региона без осознания его самобытности, которая проявляется прежде всего через искусство. Новизна

заключается в том, что для исследования локального текста комплексно применяется семиотический подход и методы «гуманитарного краеведения». Литература воспринимается и исследуется одновременно как порождение «локального текста» и как фактор его формирования.

Подобной постановки проблемы нельзя не приветствовать, – но она с самого начала обнаруживает ряд существенных недочетов, неточностей и натяжек. Так, диссертант с самого начала априорно заявляет о существовании особого «ивановского текста» русской литературы – между тем, как само его «историко-литературное существование» надобно еще доказать. «Доказательство» же это чересчур размыто. Начинает автор аж с Великой Французской революции (С. 23) и с творчества поэтов и писателей «авиньонской школы», потом переходит к «сибирскому литературному областничеству, к «петербургскому тексту», к «пермскому (уральскому) тексту, «кавказскому тексту» - и, наконец, к «ивановскому». В самом деле: если есть «петербургский текст» - то как не быть «ивановскому»?

Но локальный текст определяется по определенным параметрам – и предполагает наличие не только достаточного количества конкретных произведений, но и доказательство *неповторимости* исходного локуса. Несомненна «неповторимость», допустим, Венеции или Петербурга. В петербургском тексте, к примеру, определяющую роль играет опорный гидроним – Нева. Отношение к ней непременно однозначное: «горделивая Нева», «величавая Нева», «вольная Нева» и т.д. В Иванове основной гидроним – *Уводь* – употребляется не столь однозначно. Вот стихотворение ивановского поэта: «Над Уводью осень, над Уводью осень, / Опавшие листья нам ветер приносит...» и т.д. А вот местная частушка: «Как над Уводью вонючей / Стоит город наш могучий». В каком из произведений «ивановский текст» проявлен более точно?

«Природный и культурный ландшафты находятся в состоянии постоянной семиотической игры» (С. 20) – отмечает Голубев. Но на какую «природную» или «культурную» данность может опереться «ивановский текст»? В качестве «природной» данности указывается одна: *болото* (С. 126 и след.). Но «болото» - это принадлежность отнюдь не только ивановского ландшафта: вологодские или карельские болота покруче будут. Лет пять назад, помнится, состоялась даже специальная конференция в Твери, посвященная как раз семиотике «болота». Кстати, материалы этой конференции не учтены диссертантом: вероятно, ему стало обидно, что тверяки отобрали столь любезное ивановцам «болото».

«Основополагающий фактор «ивановского текста» – *текстильное ремесло*» (С. 21) – указывает диссертант. И в другом месте: «Истоки и основа “ивановского текста” – текстильная промышленность (фабрика), появление которой было вызвано природными условиями. Историческая взаимообусловленность естественного и индустриального привела к тому, что внутри “ивановского текста” уникальным образом снимается противопоставление природы и фабрики. Это дает уникальный угол зрения

местной литературе» (С. 226). Здесь диссертант даже обращает внимание, что «текст» и «текстиль» - слова однокоренные.

Всё это, конечно, хорошо – но мало что доказывает. Во-первых, текстильное ремесло на Руси никогда не локализовалось исключительно в Иванове: можно еще назвать десяток городов и городков, где оно культивировалось (та же Тверь или какое-нибудь Орехово-Зуево). Во-вторых, даже важнейший социальный признак, из этого истекающий («Иваново – город невест») – тоже не собственно ивановский. В известной песне М. Танича описывается не Иваново, а некий «подмосковный городок», в котором однако тоже «незамужние ткачихи составляют большинство».

Вот еще наблюдение диссертанта: ивановское ткацкое производство издавна пополнялось рабочими из деревни. Поэтому «в местном сознании снимается общекультурное противопоставление индустриального и крестьянского – *фабрики* и *деревни*. Это дает локальной литературе возможность уникальной точки зрения – особые тематические и художественные средства постижения действительности» (С. 21). Но ведь и это – не исключительно «ивановское» явление. Есть, например, город Череповец – крупный металлургический центр, заселенный выходцами из глубин Вологодской области (там и до сих пор сохраняются соответствующие «землячества»). И есть много иных похожих мест. Так что и здесь «ивановского текста» не получается.

Наивными выглядят попытки автора выделить какие-то уникальные бренды ивановского локуса: «*фабричная труба*» или какой-то особенный «*запах*» Иванова («ольфакторная характеристика» - с. 104 и след.). Даже и *Талка* не оказывается чисто ивановской данностью: так, например, называется водка, изготовленная на талой воде и совсем не в Иванове.

Об «идеологической» составляющей «ивановского текста» автор пишет с ностальгией, указывая, например, что статья А.К. Воронского 1921 г. (почти столетней давности!) – была «вероятно, лучшей и наиболее глубокой за всю историю ивановского текста» (С. 154). Понятно, почему: Иваново тогда стало позиционироваться прежде всего как «родина первого Совета». Потом это обстоятельство перестало казаться интересным. А «после смены социокультурной парадигмы в начале 1990-х», автор фиксирует «ощущение *исчерпанности* локального текста»: «На настоящий момент ивановский текст практически не проявляет себя...» (С. 227).

Но что это за «текст», который взял – и исчез? Рукописи, как известно, не горят. И если мы констатировали «ивановский текст» (а тем более – «сверхтекст») как историко-литературную данность, то взять и просто так «исчезнуть» с изменением времени он не может. А ежели «исчез» – то возникает «горьковский» вопрос: а был ли мальчик?

Вот основная претензия оппонента к рецензируемой диссертации.

Некоторые частные утверждения, высказанные в ней, тоже кажутся сомнительными. Так, на с. 55 книга Н.К. Пиксанова «Два века русской литературы» (М., 1925) названа «брошюркой». Вряд ли можно так назвать трехсотстраничную книгу мелкой печати, где намечались темы возможных

историко-литературных исследований, многие из которых остаются не вполне разработанными доселе.

Однако указанные неточности – из серии тех «недостатков», которые, что называется, являются «продолжением достоинств». Ибо сами достоинства представленной к защите работы, на наш взгляд, несомненны. В ней, например, немало и серьезных, значимых утверждений, связанных прежде всего с теоретической (и культурологической) проблемой «локального текста», которая интересует диссертанта прежде всего. Яркими представляются, например, рассуждения о «русском Манчестере» или о возможности сосуществования «города-сада» и «города-завода» (с. 86 и след.).

Безусловно важными и важными как для науки, так и для формирования общественного сознания являются и те основные положения, которые Н.А. Голубев специально выносит на защиту. Это и основательно доказанное утверждение о том, что «развитие территории невозможно без массового осознания самодостаточности локального текста культуры», который «формируется (накапливается) постоянно и меняется под воздействием порожденных им же процессов». В связи с общей установкой чрезвычайно возрастает роль литературного краеведения, которое «дает уникальный ракурс для изучения исторической, культурологической, социо-экономической и политической специфики региона, открывает пути решения актуальных (внелитературных) проблем жизни края» (С. 20). Подобные наблюдения получили в рецензируемом исследовании прежде всего культурологическое обоснование.

Особый интерес представляют тонкие и яркие конкретные анализы поэтических произведений писателей-ивановцев: Дмитрия Семеновского, Авенира Ноздрина, Анны Барковой и т.д. Диссертант представляет их в связи с доказательством основных теоретических положений своей работы

докт. филол. наук, профессор

Великий Новгород

15. 11. 2014